

К.Г. Паустовского, его авторской манеры цветописи, в которой отразилось романтическое мировосприятие автора.

Литература

1. Сивова, Т.В. Авторская концептуализация осени в романе К.Г. Паустовского «Романтики» / Т.В. Сивова // Материалы X Международной конференции «Языковые категории и единицы: синтагматический аспект», посвящённой 60-летию кафедры русского языка (сентябрь, Владимир, 2013 г.). В печати.
2. Сивова, Т.В. Авторское восприятие ночного времени в романе К.Г. Паустовского «Романтики» / Т.В. Сивова // Вопросы языка в современных исследованиях. Материалы Международной научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XIV Кирилло-Мефодиевские чтения». – М. – Ярославль: Ремдер, 2013. – С. 264-268.
3. Сивова, Т.В. Система темпоральных координат в романе К.Г. Паустовского «Романтики» / Т.В. Сивова // Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І.П. Шамякіна. Серыя 1. Гуманітарныя навукі. В печати.
4. Сивова, Т.В. Суточное время в «Романтиках» К.Г. Паустовского: дискретизация и цветовое воплощение / Т.В. Сивова // Труды молодых учёных Воронежского государственного университета: науч. журнал / [гл. ред. Д.А. Ендовицкий]. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2012. В печати.
5. Миронова, Л.Н. Семантика цвета в эволюции психики человека / Л.Н. Миронова // Проблема цвета в психологии. – М.: Наука, 1993. – С. 172-188.
6. Всеволодова, М.В. Способы выражения временных отношений в современном русском языке / М.В. Всеволодова. – М.: Изд-во МГУ, 1975. – 281 с.
7. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.
8. Сивова, Т.В. Пространство в романе К.Г. Паустовского «Романтики» / Т.В. Сивова // Лінгвістичні студії: зб. наук. праць / Донецький нац. ун-т; гол. ред. А.П. Загнітко. – Донецьк: ДонНУ, 2013. – Вип. 26. – С. 199-204.

С.Н. Стародубец

(Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, РФ)

СПЕЦИФИКА ОПИСАНИЯ ДИАЛЕКТНОЙ СИСТЕМЫ ПОГРАНИЧНОГО РЕГИОНА: РОССИЙСКО-БЕЛОРУССКО-УКРАИНСКОЕ СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

Российско-белорусско-украинское пограничье – это уникальная территория с точки зрения культуры, религии, фольклора, языка. В течение длительного времени на приграничье России, Беларуси и Украины складывался оригинальный интегративный социокультурный комплекс с неповторимыми, своеобразными чертами. При этом в таком взаимодействии укреплялась национальная идентичность названных восточнославянских народов. Как подчеркивает О.В. Белова, «традиционная культура пограничья благодаря разнообразному этническому окружению и разветвленным внутренним связям не только приобрела своеобразные черты, вобрав в себя элементы разных традиций, но и сформировала уникальную межэтническую коммуникативную модель (фольклор, устная история), отражающую специфику духовной культуры во всем ее многообразии» [1; 51].

Кроме того, небызвестна и конфессиональная специфика названного региона: "Будучи крупным регионом расселения старообрядцев России во второй половине XVII – начале XX вв., Стародубье и Ветка в настоящее время не утратили свою роль в сохранении живых традиций русского старообрядчества. Сегодня к ним относятся Стародубский, Климовский, Новозыбковский, Клинцовский, Злынковский районы Брянской области (Российская Федерация), Ветковский район Гомельской области (Республика Беларусь), Городнянский район Черниговской области" [2; 54].

Соответственно необходимо констатировать, что культура пограничных районов (брянско-гомельско-черниговский ареал) представляет собой локус, в котором, с одной сто-

роны, эксплицирован синтез славянской ментальности, с другой стороны, репрезентированы артефакты народной культуры (в исконном либо трансформированном виде).

На сегодняшний день существует ряд немаловажных исследований русско-белорусского пограничья, которые проводились в рамках проектов, поддержанных в течение ряда последних лет РГНФ и БРФФИ: "Традиционный фольклор на территории Брянско-Гомельского пограничья в условиях социально-экономических и экологических преобразований в славянских государствах: фольклорно-этнолингвистическое исследование", выполненное научно-исследовательскими коллективами Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского и Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины в 2006 году (научные руководители: проф. С.Н. Стародубец и проф. А.А. Станкевич), в 2008 году – "Современное состояние духовной культуры малых городов брянско-гомельского пограничья: традиции и новации" (научные руководители: проф. С.Н. Стародубец и проф. В.С. Новак), в 2010 году – "Формирование и функционирование традиционной культуры на территории Российско-Белорусского пограничья: межкультурное взаимодействие в диахронии и синхронии" (научные руководители: проф. С.Н. Стародубец и проф. А.А. Станкевич), в 2012 году – "Особенности традиционного жилища на территории Российско-Белорусского пограничья: этнографический и лингвокультурологический аспекты" (научные руководители: доцент Т.А. Мищенко и проф. А.А. Станкевич).

Кроме того, 24 и 25 мая 2012 года в стенах филиала Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского работал круглый стол "Нормативность в условиях смешения восточнославянских языков на территории российско-белорусско-украинского пограничья", приуроченный к Дню славянской письменности и культуры, давший возможность проанализировать имеющийся опыт и выработать наиболее эффективные направления работы преподавателей вузов и средних учебных заведений по овладению нормами литературного языка студентами и учащимися, обогащению их грамматического строя речи в условиях смешения восточнославянских языков, нормативных, разговорных и диалектных (ненормативных) явлений. Проведение круглого стола было поддержано Фондом "Русский мир".

Все названные аспекты исследований представляются особенно актуальными в контексте системного историко-этнографического и лингвокультурологического освещения фактов традиционной духовной и материальной культуры русско-белорусско-украинского пограничья.

Бесспорно, что наиболее важной проблемой по-прежнему является лингвокультурологическое описание пограничных диалектов. Как справедливо отмечает В.И. Елатов, "национальная характеристика элементов языка, быта, культуры, искусства во многом и сейчас еще проявляется здесь на уровне как бы диалектных различий и позволяет подходить к данному региону как к цельному культурно-этническому образованию" [3; 277]. В этой связи мы проанализировали диалектный лексический материал (86 лексических единиц тематической группы «Предметы быта»), зафиксированный в юго-западных районах Брянской области, граничащих с Белоруссией и Украиной, с точки зрения нормативной фиксации в близкородственных языках пограничного региона – белорусском и украинском, посредством сопоставительного анализа лексикографических источников – словарей брянских говоров (П.А. Расторгуева [4], Н.И. Курганской [5]) и нормативных словарей белорусского и украинского языков [6], [7].

Мы выделили: диалектно – просторечные (то есть зафиксированные как в диалектологических словарях (под редакцией Н.И. Курганской и П.А. Расторгуева), так и в Толковом словаре русского языка (под редакцией С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой [8]), их одиннадцать (*закут, заслонка, камора, кулеш, куток, печурка, прясло, сенцы, склянка, ухват, хата*) и собственно диалектные лексические единицы, их семьдесят пять: *анучка, апценьки, апцуги, бахилы, бидон, бриль, быконки, вильчик, водняка, вышки,*

гарба, глек, горище, даенка, дёжка, драчка, дровник, дярюга, жниво, загавалина, запина, запон, кавга, камы, карес, карец, катанки, качурки, клямка, кобыла, комен, кузик, куфайка, магазезя, манарка, мамура, махотка, мост, навильник, начёвки, обутка, олей, опашинь, пеколок, пральник, прасадник, притвор, прясница, пуня, саян, распахка, сенник, сеники, скрынка, сподница, столешник, танчурка, толкушка, третчик, урыльник, услон, фатырка, хвортка, хренч, хустка, царанки, цеберь, чарень, чебаты, чипела, чирики, чуни, шандер, шибка, японец.

Таким образом, мы разграничили: во-первых, диалектные номинации, являющиеся литературными в белорусском языке (двенадцать ЛЕ): *анучка, апцуги, вильчик, вышки, дёжка, куфайка, манарка, махотка, пеколок, саян, услон, ухват*; во-вторых, диалектные номинации, являющиеся литературными в украинском языке (шесть ЛЕ): *апценьки, бриль, дровник, дярюга, фатырка, чоботы, шибка*; в-третьих, диалектные номинации, являющиеся литературными и в белорусском и в украинском языке (двадцать девять): *бахилы, бидон, вышки, горище, глек, жниво, запина, запон, заслонка, камора, карец, клямка, комен, кузик, куток, кулеш, начёвки, обутка, олей, печурка, пуня, склянка, сподница, тын, хата, хвортка, хустка, цеберь, чирики*.

С позиции эквивалентности исследуемый материал был описан следующим образом:

1) Группа фонетически и лексически эквивалентных диалектных, белорусских и украинских лексем (восемь лексических единиц): *бидон, глек, жниво, махотка, клямка, ухват, хата, хустка*.

В этой группе выделены две подгруппы, где:

• устанавливается фонетическая и лексическая эквивалентность диалектных и белорусских номинаций (шесть лексических единиц): *бахилы, заслонка, камы, куток, куфайка, сенцы*.

• устанавливается фонетическая и лексическая эквивалентность диалектных и украинских номинаций (три лексические единицы): *бриль, горище, шибка*.

2) Группа номинаций с вариативным написанием, но с одинаковым лексическим значением: *анучка* (белорусское *ануча*), *апценьки* (украинское *обценьки*), *бахилы* (украинское *бахили*), *вильчик* (белорусское *вільчак*), *вышки* (белорусское *вышкі*), *горище* (белорусское *горышча*), *дёжка* (белорусское *дежа*), *заслонка* (украинское *заслон*), *карец* (белорусское *карэц*, украинское *корец*), *комен* (белорусское *комін*, украинское *комин*), *кузик* (белорусское *гузік*, украинское *гудзик*), *кулеш* (украинское *кулиш*), *куток* (украинское *кут*), *начёвки* (белорусское *начоўкі*, украинское *ночовки*), *обутка* (белорусское *абутак*, украинское *обуття*), *олей* (белорусское *алей*, украинское *оля*), *пеколок* (белорусское *пяколак*), *сподница* (белорусское *спадніца*, украинское *спідниця*), *тын* (украинское *тин*), *фатырка* (украинское *кватирка*), *хвортка* (белорусское *фортка*, украинское *хвїртка*), *чебаты* (украинское *чоботи*), *чирики* (белорусское *чаравік*, украинское *черевики*).

3) Группа номинаций, с одинаковым произношением и написанием, но разным лексическим значением: диалектное и украинское слово *склянка*, диалектная и белорусская номинация *саян*.

4) Группа номинаций с вариативным написанием и разным лексическим значением: диалектное *цеберь* (украинское *цебер*), диалектное *кулеш* (украинское *куліш*), диалектное *запон* (украинское *запона*), диалектное *апцуги* (белорусское *апцугі*).

В зависимости от особенностей белорусского и украинского языка лексемы могут иметь вариативное написание и произношение, но совпадать в лексическом значении, например: *кузик* (белорусское *гузік*, украинское *гудзик*), с одинаковым лексическим значением – пуговица, а могут различаться и в написании, и в лексическом значении: диалектное *апцуги* (белорусское *апцугі*), диалектное *цеберь* (украинское *цебер*).

Данные исследования показывают, что проанализированные диалектные слова тематической группы «Предметы быта» брянских говоров, в большей части, а именно сорок семь (55%) являются литературными в белорусском и/или украинском языке (47/86).

Общность смежных лексических единиц, являющихся литературными в белорусском и украинском языке, составляет 62% (29/47), литературными только в белорусском языке – 26% (12/47) и литературными только в украинском языке – 12% (6/47).

Использованная в работе методика в исследовании лексического состава брянских говоров применяется впервые. Её апробация посредством лексического и сравнительно – сопоставительного анализа диалектных лексических единиц, бытующих на территории российско-белорусско-украинского пограничья, позволит анализировать в дальнейшем более обширный языковой материал других тематических групп с целью установления базовых закономерностей развития диалектной системы пограничного региона, языковой чертой которого является смешение близкородственных языков.

Литература

1. Антропов, Н.П. Исследование традиционной культуры белорусско-русского пограничья: проблемы и перспективы / Н.П. Антропов, О.В. Белова и др. // Межакадемический совет по проблемам развития Союзного государства. Научные материалы. Выпуск четвертый. Гуманитарное сотрудничество – основа углубления интеграции и инновационного развития Союзного государства. / Под ред. С.М. Дедкова, В.К. Егорова. – Минск: Центр системного анализа и стратегических исследований НАН Беларуси, 2012. – С. 49-60.
2. Кочергина, М.В. Проблемы сохранения духовной и художественной культуры русского старообрядчества пограничных территорий России, Украины и Белоруссии / М.В. Кочергина // Русское наследие в странах Восточной и Центральной Европы. Материалы межгосударственной научной конференции 5-8 июля 2010 года (г. Брянск), приуроченной к 600-летию битвы при Грюнвальде / Фонд «Русский мир»; Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского. – Брянск: РИО БГУ, 2010. – С. 54-58.
3. Елатов, В.И. Песни восточнославянской общности. Минск: Наука и техника, 1977.
4. Расторгуев, П.А. Словарь народных говоров Западной Брянщины (Материалы для истории словарного состава говоров) / Ред. Е. М. Романович. – Минск, 1973. – 294 с.
5. Брянский областной словарь / Отв. ред. Н.И. Курганская. Изд. 2, испр. и доп. – Брянск, 2011. – 361 с.
6. Русско-белорусский словарь в 3 т. – Минск: БелЭн. – 2002.
7. Головащук, С. И. Російсько-український словник сталихслівосполучень у 2 т. 1969.
8. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: Азъ, 1992. – 982 с.

Г.С. Сырица (Даугавпилсский университет, Латвия)

КОНЦЕПТ *сон/SEN* В РУССКОЙ И ПОЛЬСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ПАРЕМИЙ)

Загадочная и во многом неисследимая природа сна находит отражение в специфике вербализации данного концепта. Лексема *сон* как в русском, так и в польском языках имеет достаточно развернутую семантическую структуру, базирующуюся прежде всего на осмыслении двух аспектов: «сон – состояние» (физиологический процесс, периодически наступающее состояние покоя) и «сон – сновидение» (видения, порождаемые спящим сознанием). Оба значения способствуют развитию переносных наименований: на основе первого - «состояние покоя», «состояние бездействия», на основе второго - «мечта» (нечто прекрасное, желаемое). Оба значения находят отражение во фразео-паремиологической системе двух языков, на базе которой выявляется ряд соотносительных концептуальных признаков.

Позитивно-оценочный потенциал концепта *сон* предопределен наличием универсальной оппозиции *сон – бессонница*, на основе которой во многом и выявляется аксиологическая составляющая концепта. *Сон* (в первом значении) предстает как несомненная ценность (ср. устойчивые сочетания терминологического характера: *здоровый сон, нарушение сна*). Концептуальный признак, отражающий важность сна (и времени